

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 316.7

Социально-культурная идентичность студенческой молодежи в условиях социальной неопределенности российского общества

Н. М. Великая¹, А. А. Лисенкова²

¹ Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН,
Российская Федерация, 119333, Москва, ул. Фотиевой, 6

² Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Российская Федерация, 195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29

Для цитирования: Великая Н. М., Лисенкова А. А. Социально-культурная идентичность студенческой молодежи в условиях социальной неопределенности российского общества // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2023. Т. 16. Вып. 4. С. 374–390.
<https://doi.org/10.21638/spbu12.2023.402>

В статье рассматриваются социокультурные основания формирования идентичности российского студенчества, обусловленные высокой степенью турбулентности и неопределенности общественной жизни, внедрением цифровых технологий и формированием гибридной реальности. Понимая под социокультурной идентичностью комплекс ценностей и представлений определенной культуры в процессе накопления персонального и коллективного опыта, авторы обращают внимание на ее множественный и гибридный характер. На основе данных исследования «Студенты России: гражданская культура и жизненные стратегии», проведенного Центром политологии ИСПИ ФНИСЦ РАН в апреле — мае 2023 г., сделаны выводы о росте тревожности и нереализованных ожиданий современной молодежи, оказавших влияние на аксиологическое ядро ее ценностей; об обострении мировоззренческого кризиса; о смещении опоры с глобалистского видения на локальный компонент в ценностно-смысловой модели российской социокультурной идентичности. При этом российская молодежь продолжает демонстрировать приверженность демократическим ценностям индивидуализма, независимости и свободы, находящим отражение в выстраивании профессиональной карьеры с высокой долей прекаризации. Существенное влияние на механизмы самоидентификации молодежи оказывают бурно развивающиеся цифровые технологии, создающие множественные информационные потоки, усугубляющие и искажающие и без того неопределенный образ будущего. В ходе адаптации к этой сложной реальности молодежь формирует новые гибридные формы цифровой идентичности

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2024

в попытке найти опору в воображаемом мире глобального виртуального пространства, собирая в единый профиль разрозненные множественные идентичности. Анализ эмпирических данных включал в себя в том числе факторный анализ методом главных компонент и вращения методом варимакс, что позволило сконструировать индексы идентичности и выделить три группы студентов с преобладанием российской, евразийской и глобальной идентичности.

Ключевые слова: идентичность, самоидентификация, студенты, студенчество, ценности, цифровизация, неопределенность, молодежь, экспертиза, киберсоциализация, гражданственность.

Введение

Периоды высокой турбулентности, связанные с пандемией COVID-19, ускоренной цифровизацией, высокой скоростью обмена информацией и началом специальной военной операции создали беспрецедентные условия для изменения смысложизненных ориентиров российской молодежи. Они изменили ритм ценностных интерпретаций, адаптации и осмысления, сместив акценты с глобальных трендов на локальную устойчивость и поиск опоры в культурно-историческом опыте предыдущих поколений. При этом под социокультурной идентичностью мы понимаем «систему “координат” идентификации, включающую комплекс ценностей, норм и образцов поведения, убеждений и систем представлений, символов и образов культуры, которая развивается в процессе долговременного накопления совокупного опыта людей того или иного сообщества» [1]. Данные процессы породили запрос на формирование нового идентификационного каркаса в процессе самоопределения и самоотождествления во фрейме «глобальное — локальное». Происходящие изменения оказали влияние на формирование новых ценностных ориентиров и способов трансляции индивидуального и коллективного опыта, стимулируя изменение идентификационной парадигмы российской молодежи.

Очевидно, что современную цифровую эпоху характеризует сложность, но вместе с тем не она оказывается ее ключевой характеристикой. Более значимым для современного общества является «различие», когда идентичность перестает быть единообразной и становится неким гибридным конструктом глобальной, локальной, социокультурной, этической, проектной и других идентичностей [2]. При этом круг Других в контексте происходящих социокультурных трансформаций начинает претерпевать существенные изменения. В результате чего «свобода — во всех ее модусах — оказывается свободой различать» [3]; что актуализирует индивидуальность и обращение к культурно-историческим нарративам, способным подчеркнуть различия и найти точку опоры для формирования новой идентификационной матрицы. Данная тенденция еще сильнее проявляется в российском обществе, находящемся на стадии существенных изменений.

Цель исследования — на основе анализа массива эмпирических данных описать современное состояние социально-культурной идентификации российской студенческой молодежи, а также выявить их ожидания, страхи и ценностные ориентиры в изменяющейся социально-политической среде. Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд взаимосвязанных задач: опираясь на корпус исследований социально-культурной идентичности и эмпирические данные, рассмотреть современное состояние, потребности, мотивы, жизненные планы и пер-

спективы современной российской молодежи; выделить группы студенческой молодежи в зависимости от особенностей их самоидентификации и выявить детерминанты, определяющие различные виды идентичности.

Эмпирическая база

В основу статьи положено исследование «Студенты России: гражданская культура и жизненные стратегии», проведенное Центром политологии ИСПИ ФНИСЦ РАН в апреле — мае 2023 г. в 31 субъекте РФ во всех федеральных округах¹ по квотно-пропорциональной всероссийской выборке с взаимозависимыми характеристиками генеральной совокупности: пола, возраста, места жительства, уровня получаемого образования и направлений подготовки высшего образования, методом онлайн-анкетирования. Респонденты, которым предлагалось заполнить анкету онлайн, отбирались в соответствии с региональными квотами участниками проекта в регионах. После ремонта выборки объем выборочной совокупности составил 6757 респондентов. Используемые в инструментарии индикаторы позволили применить факторный анализ для выявления наиболее значимых факторов, определяющих выраженность самоидентификации респондентов и выделения типов идентичности.

Феномен социально-культурной идентичности в современном гуманитарном дискурсе

Проблемы социально-культурной, гражданской, национальной, локальной и индивидуальной идентичности в современном научном дискурсе, вновь актуализированные происходящими в мире глобальными изменениями социального и политического ландшафта, находили отражение в научных трудах многих исследователей.

Внимание к данным явлениям связано с парадигмальными изменениями в XX–XXI вв., которые затронули все сферы жизни общества, от социально-экономического и политического устройства до существенной трансформации форм взаимодействия и коммуникации. Наиболее полно проблемы идентичности рассматривались в работах Э. Эриксона (E. Erikson), определявшего идентичность как внутреннюю тождественность личности самой себе, как «чувство непрерывной самождественности, которое базируется на принятии личностью целостного образа своего Я в единстве с ее многообразными социальными связями» [4], а также П. Бергера (P. Berger) и Т. Лукмана (Th. Luckmann), понимавших под идентичностью

¹ Исследовательский коллектив: д-р полит. наук Н. М. Великая (руководитель), канд. социол. наук Е. А. Ирсетская, канд. социол. наук И. С. Шушпанова, ст. науч. сотр. О. П. Новоженина. Опрос населения проведен в апреле — мае 2023 г. в 31 субъекте федерации во всех федеральных округах, в том числе: ЦФО (Воронежская обл., Липецкая обл., Москва, Московская обл., Смоленская обл.), СЗФО (Вологодская обл., Ленинградская обл., Республика Коми, Санкт-Петербург), ЮФО (Волгоградская обл., Краснодарский край, Ростовская обл.), СКФО (Республика Дагестан, Республика Северная Осетия — Алания, Кабардино-Балкарская Республика, Республика Ингушетия, Чеченская Республика), ПФО (Нижегородская обл., Пермский край, Республика Татарстан, Саратовская обл.), УрФО (Тюменская обл., Свердловская обл., Челябинская обл.), СФО (Алтайский край, Иркутская обл., Омская обл.), ДФО (Приморский край, Республика Саха (Якутия), Республика Бурятия, Хабаровский край).

целостный образ Я со своими паттернами и ценностными установками, «формируемыми социальными процессами» [5]. Говоря о специфике формирования российской социально-культурной идентичности, необходимо обратить внимание на соображения Л. М. Дробижевой, которая утверждает, что культурная и национальная идентичность — это «представления об обществе, ответственность за судьбу страны (гордость, обида, разочарование, энтузиазм), в которых присутствуют когнитивные, эмоциональные и регулятивные элементы» [6].

Интересен для исследования современных идентификационных процессов в молодежной среде концепт гибридной идентичности. Глобальный культурный контекст современного мира, основанный на взаимовлиянии различных культур, порождает множественные или так называемые гибридные идентичности [7] и формирует новые идентификационные механизмы. Данные механизмы основаны на «формировании так называемого сложного общества, социальная динамика которого характеризуется нелинейностью и многофакторностью» [8]. Очевидно, что современный идеологический процесс также определяется взаимозависимостью разных факторов, что ведет к возникновению множественных временных и неструктурированных идеологических комбинаций, а также к формированию «сложной гибридной текучей» [9] фрагментарной идентичности, в основе которой так называемая большая неопределенность [10]. Таким образом, область теоретических исследований данного феномена достаточно обширна и предоставляет возможность соотносить полученные эмпирические данные и результаты, опираясь на разнообразные методологические подходы.

Под социально-культурной идентичностью мы понимаем каркас идентификации — некую систему координат, включающую «комплекс норм и образцов поведения, убеждений и систем представлений, символов и образов культуры» [11], которые определяются ходом социальных взаимодействий, персональным и совокупным опытом всех членов общества.

Говоря о специфических чертах ценностно-смысловой модели формирования российской культурной идентичности, мы отмечаем, что она основывается не только на традиционных факторах, связывающих в единую культурную общность то или иное общество, таких как язык, история, культура, память, образ будущего, но и обладает уникальными характеристиками принадлежности к «корням», поиска «своего пути и места в мире», апофатичности, долженствования, традиционности, соотнесения себя с большим [12].

Существенное влияние на процессы идентификации в молодежной среде оказывает современная визуальная и цифровая культура, которая стимулирует структурирование личного и коллективного опыта через различные алгоритмы и среды глобальных цифровых платформ, позволяя репрезентировать подлинные и проектные свойства личности. В этой связи видится логичной зависимость кризисных процессов идентичности не только от социальных, культурных, политических и экономических изменений, но и от появления новых и отмирания старых форм фиксации культурного опыта. Эти процессы стимулируют кризис ценностно-смысловой самоидентификации, изменяя мировоззренческий дизайн молодежного сегмента российского общества, где бинарная система координат личной и социальной идентификации смещает баланс в сторону социального отчуждения в попытке найти новую точку опоры и вновь сконструировать каркас идентичности в новых условиях.

Российская молодежь в меняющемся мире

Говоря о трансформации современной идентификационной парадигмы, мы отмечаем смену образных систем, обеспечивающих вариативность и возможность адаптивного реагирования на изменения внешних условий в рамках персональной идентификации. Она включает в себя как репрезентации, личные нарративы и социальные практики, так и ценностно-смысловой уровень, выраженный в новых цифровых мифах и ритуалах, обеспечивающий передачу опыта как личного, так и социального в опосредованных коммуникациях. Ранее идентификационная парадигма была встроена в глобальные процессы цифровой интеграции. Сегодня же эти процессы претерпели существенные изменения, и молодежь как активный субъект российского общества оказалась в сложном положении поиска путей самоопределения и выбора стратегии самоидентификации и жизненного выбора. Усложняющаяся канва социального пространства, гибридность виртуального и реального, культурные вызовы и социально-политические противоречия стали основанием для формирования новых моделей социализации молодых людей, выбора новых идентификационных стратегий, понимания рисков и возможностей нового мира, нахождения баланса в средах цифрового/реального и глобального/локального. Вместе с тем необходимо отметить появление все более сложной структуры ожиданий, страхов, устремлений, поиска возможностей и ниш для самореализации у российской молодежи сегодня.

В условиях гибридной реальности структура тревожности российского студенчества определяется прежде всего факторами, связанными с благосостоянием и безопасностью (инфляция, невозможность получения медицинской помощи, безработица), проблемами, актуализированными в связи с проведением специальной военной операции (СВО) (мобилизация, ход операции, высокий уровень террористической опасности, ограничение свободы передвижения), а также ограничением политических прав и свобод. Рейтинг наиболее значимых рисков, которые респонденты оценивали по 5-балльной шкале в порядке убывания, выглядит следующим образом: инфляция (рост цен на товары и услуги) (средний балл 3,9); возможная мобилизация (3,7); высокий уровень коррупции и засилье бюрократии (3,7); невозможность получения квалифицированной медицинской помощи (3,7); безработица (3,6); проведение специальной военной операции (3,6); ограничение политических прав и свобод (3,6); высокий уровень террористической опасности (3,6); ухудшение экологической обстановки (3,5) (табл. 1).

Взрывной рост неопределенности оказал колоссальное влияние на ценности молодежной культуры, изменив форматы жизнедеятельности в общественном пространстве. Невозможность адекватно оценить и осмыслить стремительно меняющуюся действительность, непредсказуемость жизни [13; 14], смена акторов влияния, появление новых Других, нереализованные ожидания — все это отражается на настроениях российской молодежи, находящейся в условиях высокой турбулентности и культурного кризиса. Российское общество сегодня переживает ситуацию мировоззренческого кризиса, который возник при столкновении политической культуры, сложившейся в предыдущие десятилетия, с культурой переходного периода и культурой постмодерна, что затрудняет формирование внятного образа будущего [15]. Поскольку молодежь — не только важный актер будущего,

Таблица 1. Тревожность респондентов (РФ, распределение ответов на вопрос по баллам)

Оцените, пожалуйста, по 5-балльной шкале, насколько перечисленные ниже события, процессы вызывают у Вас беспокойство, тревогу	Средний балл
Рост цен на товары и услуги	3,98
Высокий уровень коррупции, засилье бюрократии	3,73
Мобилизация	3,73
Невозможность получения квалифицированной медицинской помощи	3,66
Безработица	3,64
Проведение специальной военной операции	3,62
Ограничение политических прав и свобод, включая свободу слова	3,56
Высокий уровень террористической опасности	3,55
Ухудшение экологической обстановки	3,54
Невозможность улучшить жилищные условия, рост жилищно-коммунальных платежей	3,50
Уровень преступности	3,50
Сокращение доступа к бесплатному образованию	3,47
Ограничение свободы передвижения	3,44
Противостояние России с Западом	3,42
Девиантное поведение молодежи (алкоголизация, наркотизация и т. п.)	3,41
Пенсионная реформа (повышение пенсионного возраста)	3,38
Неуверенность в завтрашнем дне	3,35
Снижение уровня жизни значительной части населения	3,31
Распространение политического и религиозного экстремизма	3,30
Неравномерное развитие территорий страны, деление на столицы и окраины	3,27
Цензура в интернете и социальных сетях	3,24
Приток мигрантов, сокращение численности коренного населения	3,06
Необходимость восстанавливать новые территории России	3,01
Деятельность «пятой колонны», разрушающая культурное пространство страны	3,00
Демографический кризис в России, сокращение численности населения	2,53

Источник: ИСПИ ФНИСЦ РАН. Исследование: «Студенты России: гражданская культура и жизненные стратегии». Апрель — май 2023 г.

но и значимый субъект настоящего, ее невозможно рассматривать изолированно от изменяющейся социокультурной и социополитической реальности российского общества. Отсутствие отработанных механизмов преодоления социальной неопределенности подобного порядка в России [16] актуализирует необходимость изучения процессов самоопределения в молодежной среде для последующего прогноза и сопровождения кризисов и точек напряженности.

Цели и ценности и поколения Z

В современной перенасыщенной гибридными информационными войнами среде, где «ключевыми источниками стресса, дискомфорта являются разнообразное получаемые сообщения» [16], молодежь все более склонна к избеганию стресса, проявляет тягу к цифровому эскапизму, уходя от многочисленных контактов и переизбытка информации. Современная молодежь, не сумев отделить достоверную информацию от ложной, старается отгородиться от нее в целом, чтобы не повышать уровень стресса, вызванный растерянностью от невозможности адекватно классифицировать поступающие данные. Цифровые коммуникации выступают одним из основных способов поддержания социальных контактов, количественно превышающих реальные, но качественно принципиально отличающихся от них. На основании полученных в ходе нашего исследования данных можно сделать вывод о том, что современная молодежь в значительной степени ощущает себя «людьми интернета» (более 60 % респондентов), практически не смотрит ТВ (никогда и редко — 74,1 %) и доверяет блогерам, стримерам, новым представителям горизонтальных экспертных сообществ.

Потребность быть постоянно на связи и «включенными в сеть» становится привычкой повседневной жизни, порождая «экзистенциальную тоску и недомогаение от возможности быть наедине со своими мыслями» [16] вне информационного «роя виртуальной среды» [17], что становится проблемой повсеместно, а не только в России [18].

Как следствие, наши респонденты проводят в сети львиную долю своего свободного времени: 62 % постоянно присутствуют в социальных сетях, 42 % очень часто играют в компьютерные игры; 28 % занимаются так называемым цифровым творчеством, а 11 % считают себя состоявшимися блогерами.

На этом фоне практики бытования в реальном мире выглядят более чем скромно: 19 % опрошенных заявили, что они практически никогда не ходят в театры, музеи, на выставки; 16 % не читают книг, 20 % не занимаются спортом.

Потребность стать кем-то в виртуальном мире, подменяя реальные поступки виртуальными микродействиями (лайками, репостами, сообщениями) и виртуальными отношениями, приводит к избеганию реальности, что значительно усиливается в современных социально-политических условиях. Обилие информации влияет на решения и поступки людей, которые становятся все менее осмысленными, подверженными мнению и оценкам других, «подкинутыми» алгоритмами нейросети в удобный персональный информационный мир, что в результате приводит к изменению мировоззренческого дизайна и кризису ценностно-смысловой самоидентификации.

Обращает на себя внимание тот факт, что независимость, самостоятельность наравне с любовью и семьей становятся для студентов важнейшим условием для того, чтобы чувствовать себя счастливым человеком. Наши респонденты демонстрируют довольно высокий уровень прагматизма и когда говорят о наиболее важных вещах в их жизни, где личностные жизненные приоритеты распределяются следующим образом в порядке снижения их значимости: интересная работа; материальный достаток; свой круг общения; устойчивые семейные отношения; свобода, независимость.

Это отражается на выстраивании профессиональной карьеры. Среди опрошенных нами студентов только 23 % намерены работать по специальности и 32 % планируют работать по смежной специальности. При довольно высоком уровне занятости студентов, когда 25 % работают на постоянной основе, а 23 % подрабатывают от случая к случаю, только половина опрошенных работают в профессиональной сфере, которая в большей или меньшей степени совпадает со специальностью обучения. При этом 23 % работают как фрилансеры, а более 25 % работают без официального оформления, что позволяет говорить о высокой степени прекаризации студенческой занятости.

Российская молодежь, имея необыкновенно широкий доступ к информации, но обретая свою идентичность в условиях кризиса ценностных координат общества в целом, оказалась в чрезвычайно сложной ситуации. Базовые ценности «безопасности — справедливости — свободы» [19] получили сегодня новое наполнение. Угрозы сначала пандемии, затем СВО вновь актуализировали ценности безопасности, и именно это повлияло на актуализацию «локального» компонента в ценностно-смысловой модели социокультурной идентичности современной российской молодежи. Так, ощутимы противоречия в ожиданиях молодых людей, связанные, с одной стороны, с цифровой глобальной идентификацией и интеграцией, с другой — с усиливающимися патриотическими и локальными акцентами в построении идентичности, связанные с многофакторной изоляцией, серьезными общественно-политическими потрясениями и обращением к опыту преодоления трудностей предыдущими поколениями в ценностно-нормативной модели российской культуры. Именно они сегодня определяют вектор развития российского общества.

Идентичность и ее мировоззренческие основания

Мы предположили, что цифровая среда существенно меняет механизмы самоидентификации молодежи, и попросили респондентов на 5-балльной шкале отметить свою принадлежность к тому или иному сообществу. Заметим, что степень принадлежности к виртуальному пространству у студентов выражена сильнее, чем принадлежность к субрегиональному сообществу, европейской культуре, евразийской или азиатской.

Действительно, в условиях гибридной реальности, когда множественные информационные потоки формируют неопределенный образ окружающего мира, зачастую искажая его, индивиды пытаются нащупать опору в собственной идентичности уже в цифровой среде, путем виртуальной коммуникации с виртуальными сообществами и персонажами. Результатом адаптации к этой гибридной реальности становится цифровая идентичность, выражающаяся в переживании и осознании себя как части этой новой реальности [20], что закономерным образом интенсифицирует формирование гибридной идентичности, где соединяются не только множественные идентичности реального социального пространства, но и идентичности пространства виртуального (табл. 2).

Тем не менее значимой и доминирующей идентичностью студенчества остается общероссийская идентичность и локальная, городская. Молодым людям свойственно считать себя членами городских и сельских сообществ, где они родились или живут сейчас. Подчеркнем, что локальная идентичность выражена сильнее

Таблица 2. Самоидентификация респондентов (РФ, % от числа опрошенных по 5-балльной шкале (от 1 до 5) и средневзвешенное значение)

№	В какой степени Вы ощущаете себя:	1	2	3	4	5	Среднее значение по шкале (1–5)
1	Жителем (представителем) поселка, города, региона, где родился и вырос	11,9	10,9	17,3	21,0	39,0	3,6418
2	Жителем города, где живу сейчас	7,1	11,8	19,6	23,0	38,5	3,7405
3	Членом субрегионального сообщества (сибиряк, южанин, кавказец, житель Дальнего Востока, Арктики, волжанин, уралец и т. д.)	32,6	13,9	17,6	14,4	21,5	2,7840
4	Представителем своей национальности, этноса	15,8	12,1	17,5	17,0	37,6	3,4847
5	Россиянином	6,5	9,3	14,1	15,9	54,2	4,0200
6	Европейцем	40,9	16,3	18,8	12,7	11,3	2,3716
7	Азиатом	67,4	10,9	9,5	4,9	7,3	1,7365
8	Евразийцем	56,0	12,2	14,8	8,0	9,0	2,0188
9	Человеком мира	24,4	14,5	18,9	14,6	27,7	3,0667
10	Человеком виртуального пространства (интернета)	23,9	16,5	20,7	17,4	21,5	2,9607

Источник: ИСПИ ФНИСЦ РАН. Исследование: «Студенты России: гражданская культура и жизненные стратегии». Апрель — май 2023 г. (1 — очень слабо ... 5 — очень сильно).

у москвичей, среди которых 45 % ощущают себя жителем города, где живут сейчас, против 39 % жителей регионов.

На основании вопроса о самоидентификации респондента, который измерен порядковой шкалой в интервале (1–5), был проведен разведывательный факторный анализ методом главных компонент и вращения методом варимакс. Дальнейшая работа с данными, которые были получены в ходе факторного анализа, позволила сгруппировать исходные представления о самоидентификации и проинтерпретировать их как три различные доминирующие модели идентичности в студенческой среде.

Для измерения степени идентификации студентов с тремя идентификационными матрицами были сконструированы индексы, значения которых вычислялись как средний балл по суждениям, имевшим наибольшие факторные нагрузки по каждому из трех выделенных факторов. Факторные нагрузки исходных переменных были не менее 0,533 (табл. 3).

На основе полученных данных представляется возможным выделить три группы студентов: с преобладанием российской идентичности — условное название «россияне» — те, для кого более значимой является принадлежность к стране, городу, этносу; с преобладанием «евразийской» идентичности — те, кто ощущает себя азиатом, евразийцем и членом субрегионального сообщества; с преобладанием глобалистской, цифровой и европейской идентичности (условная группа «глобалисты») — те, для кого наиболее значимыми являются открытость миру и включенность в мировую коммуникационную систему.

Таблица 3. Результаты факторизации переменных, описывающих самоидентификацию студентов по принадлежности к социальным общностям (с применением процедуры ротации варимакс)

Фактор	Самоидентификация по принадлежности к тому или иному сообществу	Факторные нагрузки
Российская, локальная идентичность	Россиянин	0,751*
	Житель населенного пункта, где родился и вырос	0,744**
	Житель города, где живу сейчас	0,716*
	Представитель своей национальности	0,692**
Глобалисты	Человек интернета	0,75*
	Человек мира	0,711*
	Европеец	0,664**
Евразийская идентичность	Азиат	0,799*
	Евразиец	0,58**
	Член субрегионального сообщества	0,567**

Примечания: * Факторные нагрузки с высоким значением (>0,70). ** Факторные нагрузки со средними значениями (>0,50, но <0,70).

Источник: Рассчитано авторами по данным ИСПИ ФНИСЦ РАН. Исследование: «Студенты России: гражданская культура и жизненные стратегии». Апрель — май 2023 г.

В ходе проведенного регрессионного анализа для каждого индекса осуществлялся поиск потенциальных детерминант, где значения индексов выступали в качестве зависимой переменной. Выделенные детерминанты были взяты из групп вопросов, выявляющих социально-демографические характеристики, регион проживания, жизненные ценности и др.

В частности, *российская идентичность* детерминирована следующими переменными, которые мы располагаем в порядке значимости, определенным в ходе регрессионного анализа:

- отсутствие намерения жить за рубежом;
- отсутствие уверенности в завтрашнем дне;
- согласие с позицией, что все народы России должны обладать равными правами и возможностями, а у России должна быть национальная идея.

Доминирование *евразийской идентичности* связано с такими факторами, как:

- намерение после окончания вуза жить в региональной столице или в малом городе, селе;
- неуверенность в завтрашнем дне;
- признание факта, что России нужна национальная идея, а малые и коренные народы нуждаются в мерах дополнительной поддержки;
- возраст (чем старше респонденты, тем более выражена у них евразийская идентичность).

Глобалистская и европейская идентичности коррелируют с осознанием себя человеком интернета и находятся в обратной корреляции с территориальной идентичностью (см. табл. 3). Доминирование глобалистской идентичности определяется:

- возрастом (чем моложе респонденты, тем больше среди них «глобалистов»);

- намерением жить после окончания вуза за рубежом;
- отсутствием намерения жить в малом городе, селе.

Учитывая, что российская идентичность является преобладающей в структуре личностных идентичностей студентов, закономерно выглядит тот факт, что большинство опрошенных студентов (37 %) считают Россию отдельной цивилизацией, что мы связываем с активизацией дискурса «русского мира» [21], который стал доминировать в отечественном публичном пространстве после крымского консенсуса.

Примерно одинаково количество тех, которые считают ее европейской цивилизацией (18 %) и евразийской (17 %). При этом выявлены определенные территориальные различия по линии «столица — регионы». Так, среди москвичей доля тех, кто относит Россию к европейской цивилизации, выше на 7,5 %, но ниже доля тех, кто считает Россию отдельной цивилизацией (табл. 4).

Вместе с тем в условиях новой цифровой реальности отношение к предыдущему опыту и формированию культурно-исторической памяти складывается под воздействием не только представителей предыдущих поколений, официальных СМИ и целенаправленно проводимых стратегий политики памяти, формирования локальных и национальных социокультурных идентичностей [22], но и в разнообразных медийных практиках, вступающих в конкуренцию с официальными источниками за распространяемые образы и символы. Фактически цифровая среда с ее сетевой структурой разрушает ранее созданный образ человека — носителя сакрального знания, образ родителя, эксперта, реального сообщества, и на смену ему приходит виртуальный собеседник, эксперт горизонтальных коммуникаций. Он способен выстраивать динамичный структурированный контент, интерпретировать события прошлого и настоящего, влияя на культурно-идентификационные коды, формируя смысловую и мировоззренческую позицию современной молодежи на основе ценностно приемлемого и одобряемого новостного ряда, искажая представление о социальной действительности. Это приводит к дистанцированию от реальной общественной жизни, уравниванию ее с виртуальными практиками и в результате к цифровому эскапизму в защитной позиции новой технологической реальности.

Таблица 4. Распределение ответов респондентов на вопрос о принадлежности России к определенной цивилизации (% от опрошенных в группе)

Утверждение	Студенты Москвы и МО	Студенты регионов
Россия принадлежит к европейской цивилизации	23,8	16,3
Россия принадлежит восточной цивилизации	3,0	2,4
Россия принадлежит к евразийской цивилизации	17,5	17,0
Россия сама является цивилизацией	34,9	37,5
Затрудняюсь ответить	19,4	25,9
Другое	1,4	0,9

Источник: Рассчитано авторами по данным ИСПИ ФНИСЦ РАН. Исследование: «Студенты России: гражданская культура и жизненные стратегии». Апрель — май 2023 г.

Проблемы социально-экономического и социально-политического характера, которые затрудняют возможности реализации интеллектуального потенциала молодежи [23], формируют запрос на эмиграцию: более трети опрошенных нами студентов имеют намерение жить за рубежом (38,2%). При этом главной причиной возможного отъезда студенты называют «желание посмотреть мир» и низкий уровень зарплат в стране. Существенные различия при артикуляции причин возможного отъезда выявляются у групп с доминирующей российской и космополитичной идентичностью. Для «глобалистов» более значимыми являются отсутствие перспектив для карьерного роста и низкий уровень зарплат, а также недовольство политическим курсом страны (22%) (табл. 5).

Характерно, что выделенные нами доминирующие идентичности не демонстрируют существенных различий в политическом поведении. Здесь наши респонденты демонстрируют единство в плане избегания политической активности. Более половины (56%) никогда не участвовали в выборах, 85% никогда не принимали участия в деятельности политических партий и не принимали участия в митингах, демонстрациях, пикетах.

Единственной социально одобряемой и приемлемой формой гражданской активности остается волонтерская работа, опыт которой имеют 55% опрошенных.

Чуть больший интерес в студенческой среде проявляется к экологическим проблемам и вопросам городского развития. Так, в экологических акциях принимали участие порядка 32% опрошенных, общественные работы по месту жительства — 47%, участие в городских проектах — 22%, в деятельности территориального общественного самоуправления, связанного с благоустройством территории, управлением домом, — порядка 24%.

Таблица 5. Причины возможного отъезда из страны (РФ, % от опрошенных в группе)

Утверждение	«Россияне»	«Евразийцы»	«Глобалисты»
В России мало перспектив для карьерного роста	13,8	16,0	18,9
Не устраивает уровень зарплат	28,8	30,2	34,2
Мало развлечений в России	5,5	7,3	7,0
Планирую дальше учиться	10,1	12,4	12,7
В России нет нужной вакансии	3,6	5,2	5,2
Хочу найти новых друзей	20,0	21,6	23,2
Хочу удачно выйти замуж / жениться за рубежом	7,3	9,4	9,2
Не устраивает общественно-политический курс страны	14,0	16,7	21,6
Из интереса, хочу посмотреть мир	60,6	58,9	62,2
Хочу получить другое гражданство	6,4	7,7	9,9
Другая причина	1,6	2,0	1,9

Источник: ИСПИ ФНИСЦ РАН. Исследование: «Студенты России: гражданская культура и жизненные стратегии». Апрель — май 2023 г.

Углубляющаяся дистанцированность значительной части студентов от происходящих в мире и стране событий, восприятие этих событий по законам виртуальной реальности, а также доминирование уклада новой технологической реальности над реалиями жизни общества и замена собственных реальных социокультурных практик опытом виртуального «манипулирования реальностью» [24] может быть интерпретирована как продолжающаяся атомизация российского общества, и прежде всего молодежи.

Выводы

Радикальные изменения социально-культурного ландшафта меняют и процессы идентификации, в которых существенную роль сегодня играет цифровая среда, где процесс передачи индивидуального и коллективного опыта происходит не через реальные взаимодействия, а через «опосредованные цифровые интеракции» [25]. Киберсоциализация как непрямая передача опыта также стимулировала трансформацию поведенческих паттернов молодежи, меняя ценностно-смысловое восприятие реальности, раскалывая ее на множество публичных дискурсов, часто вступающих в противоречие во фрейме глобальное — локальное, коллективное — индивидуальное.

Учитывая серьезность переживаемого студентами мировоззренческого конфликта, в котором поляризация взглядов стала значимой реакцией на изменяющуюся социально-политическую реальность в условиях активной цифровизации, можно говорить о трансформации аксиологического ядра системы ценностей, о все большем отчуждении молодых людей от социума и дистанцировании от любых социально значимых событий. Тем более что в условиях новой технологической реальности их прежняя привычка быть частью глобальной виртуальной сети претерпевает изменения и ощутимые ограничения.

Прежняя ситуация неконтролируемых процессов глобализации социальной реальности, в которых формирование идентичности определялось объективными условиями развития цифровой среды [26] с ярко выраженными особенностями репрезентаций своей локальности в виртуальном пространстве мультикультурализма, переместилась в пространство национальных культур и обособленной социальности нового порядка. Данное явление еще более усугубило развитие множественных идентичностей проектного типа среди молодежи. Они приобретают все более гибридный характер в размывании границ реального — цифрового, и ни один из типов идентичности не является в достаточной степени доминирующим, чтобы детерминировать социальное поведение индивидов, что демонстрируют данные нашего исследования.

Очевидно, что эти процессы при многократном росте неопределенности приводят к изменениям молодежных практик взаимодействия, выстраиванию новых жизненных стратегий и поиску путей самоутверждения. Данные изменения нуждаются в постоянном анализе, сопровождении экспертным сообществом, прогнозировании возникающих рисков и точек бифуркации, напряженности и ценностных сдвигов. Молодежь в данных обстоятельствах оказалась наиболее уязвимой и незащищенной частью общества, с растущими потребностями самоутверждения и поиска ценностного основания в меняющейся среде.

Дистанцированность, растущая атомизация и социально-политическая анемия могут привести к неконтролируемым выплескам агрессии, объединению в манипулируемые сообщества и цифровому эскапизму. В этой связи значимым видится проведение углубленных социологических исследований гражданской идентичности, ценностных ожиданий и стратегий персонального успеха в молодежной среде.

Литература

1. Лисенкова А. А. Трансформация социокультурной идентичности в цифровом пространстве. Пермь: Пермский государственный институт культуры, 2021.
2. *Damkier S. A., Ozer S.* Social identity and well-being: A cross-cultural examination of social identity and well-being in light of the accelerating cultural globalisation // *Psychology and Developing Societies*. 2022. Vol. 34 (1). P. 125–145.
3. *Конева А. В.* Мода: презентация индивидуальности и коды идентификации // *Международный журнал исследований культуры*. 2010. № 1 (1). С. 138–142.
4. *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996.
5. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995.
6. *Дробижева Л. М.* Этничность в социально-политическом пространстве Российской Федерации. Опыт 20 лет. М.: Новый хронограф, 2013.
7. *Marotta V.* Hybrid identities in a globalised world // *Germov J., Poole M. (eds).* Public sociology: An introduction to Australian society. 2nd ed. Crows Nest: Allen & Unwin, 2011. P. 188–204.
8. *Pieterse J. N.* Globalization as hybridization // *International Sociology*. 1994. Vol. 9 (2). P. 161–184.
9. *Turkle S.* Alone together. Why we expect more from technology and less from each other. New York, 2011.
10. *Багаева А. В.* Гибридная самоидентичность: итог совместимости несоединимого // *Общество: социология, психология, педагогика*. 2021. № 10. С. 31–34.
11. *Steger M., James P.* Globalization Matters: Engaging the Global in Unsettled Times. Cambridge: Cambridge University Press, 2019.
12. *Лисенкова А. А.* Особенности формирования российской культурной идентичности // *Ценности и смыслы*. 2018. № 2 (54). С. 69–82.
13. *Цифровой мир: перспективы и угрозы для человеческой цивилизации.* Сборник научных статей по материалам Международной научно-теоретической конференции «IX Ялтинские философские чтения». Ч. 1. Ялта: РИО ГПА, 2023.
14. *Великая Н. М., Шушпанова И. С.* Российская молодежь о перспективах и образах будущего социально-политического развития страны // *Вестник ЮРГТУ (НПИ)*. 2021. № 2. С. 29–40.
15. *Великая Н. М.* Молодежь России перед лицом социальных угроз // *III Чтения памяти В. Т. Лисовского*. М.: Экон-Информ, 2020. С. 106–109.
16. *Карлова О. А.* Студенческая субкультура в условиях современной многофакторной изоляции: трансформации коммуникаций и ценностей // *Культурный код*. 2022. № 4. С. 23–37.
17. *Hawi N. S., Samaha M.* The relations among social media addiction, self-esteem, and life satisfaction in university students // *Social Science Computer Review*. 2016. Vol. 35, no. 5. P. 576–586.
18. *Hu S., Hu L.* Moderating role of addiction to social media usage in managing cultural intelligence and cultural identity change // *Information Technology and People*. 2020. Vol. 34, iss. 2. <http://dx.doi.org/10.1108/ITP-10-2019-0518>
19. *Тульчинский Г. Л.* Философия поступка: самоопределение личности в современном обществе. СПб.: Алетейя, 2020.
20. *Лисенкова А. А.* Цифровая идентичность: свобода фрагментированности и дискретности или опасная целостность // *Человек как открытая целостность*. Новосибирск: Академиздат, 2022. С. 322–330.
21. *Тимофеев С. Е.* Идеологема «русский мир» в современном политическом дискурсе // *Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2018. Т. 9, № 1. С. 186–199.

22. Михайлова Н. К., Яркова Т. А. Экономические проблемы студенчества в современных условиях // Научное обозрение. 2016. № 14. С. 182–186.
23. Великая Н. М., Дорошина А. В. Самоидентификация молодежи Московского региона как фактор конструирования образа будущего России // Известия Саратовского университета. Сер. Социология. Политология. 2022. Т. 22, № 1. С. 32–38.
24. Мясоутов О. В. Культура школьников в условиях неопределенности: динамика, реакции, оценки // Человек и образование. 2022. № 4 (73). С. 71–79.
25. Саморегуляция в молодежной среде: типологизация и моделирование. М.: ФНИСЦ РАН, Белгород: Эпицентр, 2022.
26. Абрадова Е. С. Влияние национально-государственной идентичности на социально-политическую стабильность российского общества: обзор актуальных исследований отечественных авторов // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2022. № 12 (6). С. 25–32.

Статья поступила в редакцию 25 сентября 2023 г.;
рекомендована к печати 25 декабря 2023 г.

Контактная информация:

Великая Наталья Михайловна — д-р полит. наук, проф.; natalivelikaya@gmail.com
Лисенкова Анастасия Алексеевна — д-р культурологии; alisenkova76@gmail.com

Socio-cultural identity of students in the conditions of uncertainty of Russian society

N. M. Velikaya¹, A. A. Lisenkova²

¹ Institute of Socio-Political Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences,
6, ul. Foteeva, Moscow, 119333, Russian Federation

² Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University,
29, ul. Politekhnikeskaya, St. Petersburg, 195251, Russian Federation

For citation: Velikaya N. M., Lisenkova A. A. Socio-cultural identity of students in the conditions of uncertainty of Russian society. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*, 2023, vol. 16, issue 4, pp. 374–390. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2023.402> (In Russian)

The article examines the socio-cultural basics of the identity of Russian students, due to the high degree of turbulence and uncertainty of public life, the introduction of digital technologies and the formation of hybrid reality. Understanding the socio-cultural identity as a “coordinate system” of identification, including a set of values, norms and patterns of behavior, beliefs and systems of representations, symbols and images of culture, authors draw attention to its multiple and hybrid character. Based on the data of the study “Students of Russia: Civic Culture and Life Strategies” conducted by the Center for Political Science of the ISPR FCTAS RAS in April — May 2023, conclusions were drawn about the growth of anxiety and unrealized expectations of modern youth that influenced the value spectrum of youth culture; about the aggravation of the ideological crisis; about a shift of support from the globalist vision to the “local” component in the value-semantic model of Russian socio-cultural identity. At the same time, Russian youths demonstrate their commitment to the democratic values of individualism, independence and freedom, which are reflected in building their professional careers with a high degree of precarization. Rapidly developing digital technologies have a significant impact on the self-identification of young people, creating multiple information flows, aggravating and distorting the already uncertain image of the future. As a result, adapting to this complex reality, young people form new hybrid forms of digital identity looking for support in the imaginary world of global virtual space, combining disparate multiple identities into a single profile. The analysis of empirical data included, inter alia, factor analysis by the principal component method and rotation by the Varimax method, which allowed us to

construct identity indices and identify three groups of students with a predominance of Russian, Eurasian and global identity.

Keywords: identity, self-identification, students, students, values, digitalization, uncertainty, youth, expertise, cybersocialization, citizenship.

Referenses

1. Lisenkova A. A. *Transformation of socio-cultural identity in the Digital space*. Perm, Perm State Institute of Culture Press, 2021. (In Russian)
2. Damkier S. A., Ozer S. Social identity and well-being: A cross-cultural examination of social identity and well-being in light of the accelerating cultural globalisation. *Psychology and Developing Societies*, 2022, vol. 34 (1), pp. 125–145.
3. Koneva A. V. Fashion: Presentation of individuality and identification codes. *International Journal of Cultural Studies*, 2010, no. 1 (1), pp. 138–142. (In Russian)
4. Erikson E. *Identity: Youth and crisis*. Moscow, Progress Publ., 1996. (In Russian)
5. Berger P., Luckmann Th. *Social construction of reality. A treatise on the sociology of knowledge*. Moscow, Medium Publ., 1995. (In Russian)
6. Drobizheva L. M. *Ethnicity in the socio-political space of the Russian Federation. 20 years of experience*. Moscow, Novyi khronograf Publ., 2013. (In Russian)
7. Marotta V. Hybrid identities in a globalized world. Germov J., Poole M. (eds). *Public sociology: An introduction to Australian society* (pp. 188–204). 2nd ed. Crows Nest, Allen & Unwin, 2011.
8. Pieterse J. N. Globalization as Hybridization. *International Sociology*. 1994, vol. 9 (2), pp. 161–184.
9. Turkle S. *Alone together. Why we expect more from technology and less from each other*. New York, 2011.
10. Bagaeva A. V. Hybrid self-identity: The result of the compatibility of the unconnected. *Society: Sociology, Psychology, Pedagogy*, 2021, no. 10, pp. 31–34. (In Russian)
11. Steger M., James P. *Globalization Matters: Engaging the Global in Unsettled Times*. Cambridge, Cambridge University Press, 2019.
12. Lisenkova A. A. Features of the formation of Russian cultural identity. *Values and meanings*, 2018, no. 2 (54), pp. 69–82. (In Russian)
13. *The digital world: Prospects and threats to human civilization*. Part 1. Collection of scientific articles based on the materials of the International scientific and theoretical conference “IX Yalta Philosophical Readings”. Yalta, GPA Press, 2023. (In Russian)
14. Velikaya N. M., Shushpanova I. S. Russian youth on the prospects and images of the future socio-political development of the country. *Bulletin of the YURSTU (NPI)*, 2021, no. 2, pp. 29–40. (In Russian)
15. Velikaya N. M. The youth of Russia in the face of social threats. *III Readings in memory of V. Lissovsky* (pp. 106–109). Moscow, Ekon-Inform Publ., 2020. (In Russian)
16. Karlova O. A. Student subculture in conditions of modern multifactorial isolation: Transformations of communications and values. *Cultural Code*, 2022, no. 4, pp. 23–37. (In Russian)
17. Hawi N. S., Samaha M. The relations among social media addiction, self-esteem, and life satisfaction in university students. *Social Science Computer Review*, 2016, vol. 35, no. 5, p. 576–586.
18. Hu S., Hu L. Moderating role of addiction to social media usage in managing cultural intelligence and cultural identity change. *Information Technology and People*, 2020, vol. 34, iss. 2. <http://dx.doi.org/10.1108/ITP-10-2019-0518>
19. Tulchinsky G. L. *Philosophy of action: Self-determination of personality in modern society*. St. Petersburg, Aleteia Publ., 2020. (In Russian)
20. Lisenkova A. A. Digital identity: Freedom of fragmentation and discreteness or dangerous integrity. *Man as an Open Integrity*. Novosibirsk, Akademizdat Publ., 2022, pp. 322–330. (In Russian)
21. Timofeev S. E. Ideologeme “Russian world” in modern political discourse. *Bulletin of the Russian University of Friendship of Peoples. Ser.: Theory of Language. Semiotics. Semantics*, 2018, vol. 9, no. 1, pp. 186–199. (In Russian)
22. Mikhailova N. K., Yarkova T. A. Economic problems of students in modern conditions. *Scientific Review*, 2016, no. 14, pp. 182–186. (In Russian)
23. Velikaya N. M., Doroshina A. V. Self-identification of the youth of the Moscow region as a factor in constructing the image of the future of Russia. *Izvestiya of Saratov University. Ser.: Sociology. Political Science*, 2022, vol. 22, no. 1. pp. 32–38. (In Russian)

24. Myasoutov O. V. Culture of schoolchildren in conditions of uncertainty: Dynamics, reactions, assessments. *Man and Education*, 2022, no. 4 (73), pp. 71–79. (In Russian)

25. *Self-regulation in the youth environment: Typologization and modeling*. Moscow, FNIST RAS Press, Belgorod, Epicenter Publ., 2022. (In Russian)

26. Abradova E. S. The influence of national and state identity on the socio-political stability of Russian society: A review of current research by domestic authors. *Humanities. Bulletin of the Financial University*, 2022, no. 12 (6), pp. 25–32. (In Russian)

Received: September 25, 2023

Accepted: December 25, 2023

Authors' information:

Natalia M. Velikaya — Dr. Sci. in Political Sciences, Professor; natalivelikaya@gmail.com

Anastasia A. Lisenkova — Dr. Sci. in Cultural Studies; alisenkova76@gmail.com